

УДК 32:355/359

АМЕРИКАНСКАЯ ПРО И КОНФЛИКТЫ НИЗКОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ

© 2016 г. **О.О. Криволапов****Статья поступила в редакцию 2.03.2016.*

Статья посвящена особенностям адаптации программы ПРО США к потребностям конфликта низкой интенсивности (КНИ). Рассматривается связь между понятием «конфликт низкой интенсивности» и понятием «региональное сдерживание». Автор прослеживает эволюцию роли ПРО в военной политике США применительно к региональному сдерживанию в начале XXI века. Дается обзор текущим и перспективным региональным архитектурам ПРО США.

Ключевые слова: ПРО, конфликты низкой интенсивности, региональное сдерживание.

Хотя проблема противоракетной обороны (ПРО) находится в центре внимания и российских, и зарубежных специалистов, до сих пор не уделялось достаточно внимания взаимосвязи ПРО и конфликтов низкой интенсивности (КНИ). КНИ в военно-политической стратегии США в начале XXI века мало изучены российскими специалистами. В немногих работах рассматривается, прежде всего, участие США в военных операциях в Афганистане и Ираке [1]. В то же время изучение проблемы противоракетной обороны российскими специалистами, в основном, проходит либо в контексте влияния ПРО на перспективы сокращения стратегических ядерных вооружений РФ и США и сохранения стратегической стабильности, либо с точки зрения роли ПРО в связи с ядерной доктриной или американской военной политикой, в целом. Однако в связи с конфликтами низкой интенсивности противоракетная оборона США ещё не изучалась российскими специалистами.

Зарубежные специалисты, в первую очередь американские, в своих исследованиях рассматривают ПРО в контексте российско-американских отношений, отношений с союзниками США, занимаются вопросами архитектуры ПРО, готовности систем и финансирования; заметная часть исследований посвящена вопросам ракетной угрозы для США. Однако они, за исключением кадровых военных [25], почти не рассматривают противоракетную оборону в контексте той роли, которую она могла бы сыграть в конфликтах низкой интенсивности.

* **КРИВОЛАПОВ Олег Олегович** – младший научный сотрудник, Институт США и Канады РАН (ИСКРАН), Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3 (altus9@rambler.ru).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-07-00051 «Конфликты низкой интенсивности в американской военно-политической стратегии в начале XXI века»).

В данной работе КНИ и ПРО США рассматриваются во взаимосвязи.

Определение конфликта низкой интенсивности

На рубеже XX–XXI веков в США под конфликтом низкой интенсивности понималась военно-политическая конфронтация между соперничающими государствами, или группами, по уровню ниже обычной (конвенциональной) войны и выше рутинного мирного соперничества между государствами, в том числе и затяжная борьба соперничающих принципов и идеологий. КНИ варьировался от подрывной деятельности до применения вооружённых сил. Считалось, что в таком конфликте используется комплекс средств, включая политические, экономические, информационные и военные инструменты. Эти конфликты часто локализовали в странах «третьего мира», но признавалось, что они имеют последствия для глобальной безопасности. Кроме того, считалось, что КНИ не обязательно ведёт к вооружённому конфликту, а может означать просто политическое маневрирование и психологическую войну.

Верхняя грань КНИ – конфликт средней интенсивности (военный период повстанческого движения, как и ограниченная ядерная и обычная война; пример конфликта средней интенсивности – вторжение Ирака в Кувейт в 1990 г.). Ограниченные цели могут варьироваться от оккупации небольшой части территории до подрыва экономики противника. Тем не менее, КНИ могут быть ожесточёнными и иметь целью полное уничтожение противника. Самые знакомые формы – терроризм, повстанческие движения, наркотрафик, перевороты, региональные обычные войны с участием небольших сил; мобилизация огромных вооружённых сил и ядерного оружия (ЯО) не для атаки, а для запугивания; использование большой армии в ограниченном масштабе с ограниченными задачами; задействование сил спецназначения. Различные виды оружия массового уничтожения (ОМУ) в ограниченном масштабе, как угроза, также могут быть использованы в КНИ [17].

ПРО США при Дж. Буше-мл.

Во время президентства Дж. Буша-мл. (2001–2009 гг.), объявившего начало глобальной войны с терроризмом, понятие конфликта КНИ оставалось, в целом, неизменным. В этот период активно создавалась глобальная система ПРО США. В 2001 г. военное руководство перестало разделять ПРО на стратегическую (национальную, НПРО) и тактическую (ПРО ТВД) под предлогом того, что для некоторых стран – союзниц США тактическая ПРО может, по сути, защищать всю территорию страны, а значит, являться национальной ПРО. Начала формироваться единая программа ПРО, состоящая из систем, способных решать задачи перехвата ракет любой дальности на любом участке траектории их полёта. В этой связи значение систем ПРО для защиты войск и союзников США от ракет средней и меньшей дальности (РСМД) определялось так же как значение систем ПРО от межконтинентальных баллистических ракет (МБР) для защиты самих США.

Однако в то время о ПРО ТВД не мыслили в категориях применения в КНИ. По крайней мере, ни в одном официальном документе эти понятия не пересекаются и даже не соседствуют. Но, как было указано выше, конфликтом низкой

интенсивности может являться не только борьба с повстанческими движениями, но и использование вооружённых сил с обычными вооружениями и с ОМУ для запугивания противника. И в этой связи ПРО ТВД рассматривалась администрацией Дж. Буша-мл. как важный инструмент. Уже в «Ядерном обзоре-2001» отмечалось, что «ПРО территории США и развёрнутых войск США вместе с возможностью ответного удара может сбалансировать позицию и риски США в региональной конфронтации, подкрепляя таким образом надёжность гарантий США, данных для сдерживания атак на союзников и партнёров. ...ПРО может отразить небольшую ракетную атаку, направленную на то, чтобы США оставили своих вовлечённых в битву союзников и друзей» [8, р. 3].

Считалось, что ПРО помогает по четырём направлениям: *убеждать* (*assure*) союзников и друзей в том, что США выполняют свои обязательства по защите (чтобы союзники сами не стремились к обладанию ЯО); *отговаривать* (*dissuade*) другие страны от военного соперничества (из-за огромных затрат противника, если он решит противостоять военным технологиям США); *сдерживать* (*deter*) угрозы интересам США; *отражать* (*defeat*) атаку противника в случае провала сдерживания (перехватывать ракеты). В 2003 г. заместитель министра обороны Дж. Крауч, в частности, пояснял: «ПРО помогает сдерживанию через сокращение уверенности противника в успехе ракетной атаки и, следовательно, выгоды от шантажа» [6, р. 5].

Исходя из заявлений представителей администрации Дж. Буша-мл. наиболее вероятной считалась стратегическая угроза, т.е. угроза атаки одной-двумя МБР из Ирана и, особенно, КНДР по территории США. Угроза ракет средней и меньшей дальности для войск и союзников США тоже обозначалась, но не была основной темой заявлений.

О значении ПРО США в период первой администрации Обамы (2009–2013 гг.)

При администрации Обамы ситуация в сфере ПРО кардинально изменилась. Считается, что доклад «Стратегическое положение Америки» (2009 г.) повлиял на её политику в этой сфере. Авторы доклада (У. Перри и Дж. Шлезингер) связывали ракетную угрозу прежде всего с обладанием ракетами средней и меньшей дальности КНДР и Ираном, поэтому акцент рекомендовалось делать на нестратегическую ПРО [16, р. 32]. Администрация Обамы, в отличие от своих предшественников, обратила особое внимание именно на региональный аспект сдерживания. Все программы ПРО, мало связанные с региональным сдерживанием, а также сопряжённые со значительными технологическими вызовами и огромным финансированием, сокращались либо отменялись. Весной 2009 г. планируемое количество перехватчиков стратегической ПРО было сокращено с 44 до 30. Была сведена до минимума программа лазера воздушного базирования (*ABL*), отложена программа многозарядного перехватчика (*MKV*, «умная шрапнель»), отменена разработка противоракеты для перехвата баллистических ракет (*BR*) на разгонной стадии (*KEI*) [11, р. 2-3]. В сентябре 2009 г. вместо прежнего плана развёртывания Третьего позиционного района стратегической ПРО в Европе провозглашался Европейский поэтапный адаптивный подход (ЕПАП). В новом плане речь шла о четырёх фазах развёртывания ПРО, предназначенной для защиты от ракет средней и меньшей дальности. Лишь на 4-й фазе (2020 г.)

планировалось развернуть противоракеты для защиты от МБР. Но в 2013 г. по ряду причин 4-я фаза была отменена.

1 февраля 2010 г. вышел первый в своём роде обзорный доклад Министерства обороны по ПРО («Обзор ПРО-2010»). В нём отмечалось количественное и качественное увеличение ракетной угрозы. Утверждалось, что продолжается развитие ракетных программ КНДР и Ирана: повышается гибкость, мобильность, выживаемость и надёжность, дальность и точность арсеналов БР; идёт работа над средствами преодоления ПРО; разрабатываются боеголовки с различными видами ОМУ. Всё это означало растущую угрозу для войск США, их союзников и партнёров в Северо-Восточной Азии, на Ближнем Востоке и в Восточной Европе [4, р. 3, 5-6]. Второй из шести основных приоритетов в политике по ПРО указывал: США будут защищать от региональных ракетных угроз свои войска, а также союзников и партнёров, позволяя им самим себя оборонять; в пятом приоритете говорилось: ПРО должна быть достаточно гибкой, чтобы адаптироваться к меняющимся угрозам [4, р. 11, 12].

В Обзорном докладе МО отмечалось, что развёртывание ПРО в регионах мира должно происходить в соответствии с требованиями обороны и сдерживания, уникальными для каждого региона, в зависимости от его географии, состава угроз и, наконец, военных отношений, на которых строится взаимодействие в ПРО [4, р. v]. США собираются исповедовать такой поэтапный адаптивный подход к развёртыванию ПРО в любом регионе мира, и этот подход будет настроен под уникальные для данного региона угрозы и обстоятельства. Так как в будущем «спрос» на ПРО может превысить «предложение», США будут разрабатывать именно мобильные элементы ПРО [4, р. vi]. В докладе утверждалось, что «сдерживание через угрозу сильного ответа может и не быть эффективным против охваченных военно-политическим кризисом государств, лидеры которых могут посчитать, что они способны втянуть США в конфронтацию, если достаточно повысят ставки и покажут потенциал нанесения большего ущерба своими ракетами. Таким образом, Соединённым Штатам необходимо усиливать региональное сдерживание» [4, р. 6-7]. То есть администрация Б. Обамы, так же как и администрация Дж. Буша-мл., по сути, придерживается позиции о недостаточности сдерживания через угрозу возмездия.

Один из региональных трендов, который беспокоит США, это растущий дисбаланс силы в Тайваньском проливе в пользу КНР, которая разрабатывает передовые ракетные системы, способные угрожать соседям, и противокорабельные ракеты, которые могут угрожать ВМС в регионе. КНР развёртывает ракеты меньшей дальности напротив Тайваня и мобильные БР средней и промежуточной дальности в обычном оснащении, а также модернизирует системы командования и контроля, коммуникации и разведки. Эти ракеты – ключевые компоненты военной модернизации КНР. «Китайские ракеты будут способны поразить не только военные и гражданские цели на Тайване, но также военные объекты США и их союзников в регионе», – отмечается в докладе [4, р. 7]. ПРО обозначалась в «Обзоре ПРО-2010» как важный элемент обязательств США по усилению архитектур регионального сдерживания стран, стремящихся завладеть ядерным оружием и другими видами ОМУ [4, р. 12]. Тогда же администрация Обамы в «Ядерном обзоре-2010» и в «Стратегии национальной безопасности-2010» повторяла тезис о связи ПРО с сокращениями

своих стратегических ядерных вооружений в контексте регионального сдерживания [15, р. xiii, 6, 7, 15, 33, 46; 24, р. 41].

Как и в подобном документе 2004 г. в «Национальной военной стратегии-2011» утверждалась актуальность угрозы ОМУ. Но впервые делался акцент не на прямой ущерб территории США от ракет КНДР и Ирана, а на последствия для региональной безопасности. В документе 2004 г. такого акцента не было [22, р. 3].

Военные аналитики и эксперты, как отметил журнал «Джоинт форсиз кوارтерли» (*Joint Forces Quarterly*), обратили внимание на то, что в «оборонной стратегии, вышедшей в 2012 г., были провозглашены значительные изменения в военной политике, включая поворот к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), акцент на подготовку к асимметричной войне, включая «потенциал перекрытия доступа» (*Anti-Access/Area Denial – A2/AD*) и обновлённый акцент на построение партнёрства, а также учёт сложной бюджетной ситуации [25, р. 95].

Обозначение роли ПРО США второй администрацией Обамы

В 2013 г. председатель Комитета начальников штатов (КНШ) генерал М. Демпси обозначил последствия новой мировой обстановки для интегрированной ПВО/ПРО по трём основным темам [12]:

1. ПВО/ПРО остаётся жизненно необходимой для поддержки возможности США проецировать силу и иметь свободу движения и доступ к мировым стратегическим коммуникациям: «Сегодняшняя геополитическая изменчивость означает, что интегрированная ПВО/ПРО должна быть более гибкой, чем когда-либо, чтобы отвечать на увеличенный спектр менее предсказуемых и более сильных угроз. Потенциальные противники улучшают свои арсеналы и количественно, и качественно – в дальности, точности, мобильности, скорости, невидимости и нацеливании» [12, р. 1];

2. Эти передовые возможности и распространяющаяся воздушная и ракетная угроза приводят к коллапсу старой парадигмы деления на региональную и национальную ПВО/ПРО;

3. Десять лет войны и экономический кризис 2008 г. привели к бюджетному дефициту в США и политическому импульсу для его сокращения. Совпадение экономического фактора с ростом потребностей боевых командиров в большей и лучшей ПВО/ПРО обязывает объединённые силы и рода войск соблюдать дополнительную осторожность в постановке приоритетов. ПВО/ПРО в 2020 г. должна быть разносторонней, гибкой, убедительной и осуществимой. Наконец, стратегическая обстановка отразилась и на партнёрах США. Это привело к невиданному ранее спросу на системы ПВО/ПРО.

Таким образом, согласно приведённому документу КНШ, первая задача совместной ПВО/ПРО – сдерживание противника путём его убеждения, что его атака бесполезна; вторая – предотвращение атаки, прежде всего, через «уничтожение лучника», а не через сбивание его «стрел»; третья – если сдерживание не удалось, ПВО/ПРО поможет смягчить и пережить атаку, т.е. ПВО/ПРО – важный элемент, чтобы выиграть время и сохранить объединённые силы в течение военных действий, с наложением на противника растущих расходов. Утверждалось также, что связь между наступательными и оборонительными опе-

рациями в ПВО/ПРО критически важна [12, р. 2-3]. В целом, обозначались четыре столпа ПВО/ПРО: активная защита; пассивная защита; средства командования, контроля, коммуникации и разведки; наступательные операции.

В 2014 г. Министерство обороны США определило три цели американской оборонной стратегии: 1. Защищать США, сдерживать и отражать атаки на США; 2. Выстраивать безопасность в глобальном масштабе для сохранения региональной стабильности, сдерживания противников, поддержания союзников и партнёров и для взаимодействия с другими во имя решения общих вызовов безопасности; 3. Проецировать силу и решительно побеждать, отражать агрессию, разрушать террористические сети [18, р. v. 12].

ПРО помогает достижению всех трёх целей, а обеспечение региональной ПРО связано с достижением второй и третьей целей.

В «Четырёхгодичном оборонном обзоре-2014» ПРО упоминалась в контексте растущих региональных вызовов в АТР [18, р. 17], а также среди региональных оборонных возможностей, подлежащих модернизации. Говорилось об улучшении гибкости, в том числе, и ПРО перед лицом крупномасштабных координированных атак [18, р. 20, 38]. Утверждалось, что «закупки союзниками и партнёрами элементов ПРО и участие союзников в региональном сдерживании и в архитектуре обороны будут противостоять шантажу противника и оперативному назначению его БР» [18, р. 32].

В «Стратегии по борьбе с ОМУ» (июнь 2014 г.) ПРО отнесена к числу средств, сдерживающих передачу и использование ОМУ. Утверждалось, что Министерство обороны будет помогать союзникам и партнёрам разрабатывать и развёртывать интегрированные средства защиты от ОМУ в рамках регионального военного планирования [7, р. 11].

В июне 2015 г. Комитет начальников штабов США опубликовал документ, уточняющий актуальные цели военной стратегии США. Из 12-ти приоритетных задач вооружённых сил США, перечисленных в «Национальной военной стратегии-2015», выполнение шести связано с обеспечением региональной ПРО, а именно – побеждать противника, обеспечивать глобальное стабилизирующее присутствие, бороться против ОМУ, препятствовать противнику в достижении его целей, отвечать на кризисы и проводить ограниченные непредвиденные операции, осуществлять военное вмешательство и взаимодействие в сфере безопасности. «Если сдерживание провалится, военные в любой момент смогут победить регионального противника в крупномасштабной многоэтапной кампании и одновременно помешать другому агрессору или нанести ему неприемлемый ущерб в ином регионе» [23, р. 6].

Кроме официальных программных документов военного ведомства, положения военной стратегии разъясняются на страницах официального журнала КНШ «Джоинт форсиз куортерли». В одной из статей авторы обозначили факторы, повысившие спрос, в частности на ПВО/ПРО сухопутных сил США (Армии): количественное и качественное развитие угроз; оборонная стратегия и политика, придающая огромное значение возможности долговременного сдерживания; растущая необходимость поддерживать оперативный доступ к отдалённым регионам. По их мнению, победа (перехват ракеты) может дать больше оперативной и стратегической гибкости руководству, больший контроль над эскалацией, поддержать коалиции и, возможно, даже помочь предотвратить войну [25, р. 94]. В контексте ПРО говорилось, что «концепция

совместного оперативного доступа» сосредоточена на вопросах противостояния с вооружённым противником, обладающим потенциалом перекрытия доступа». Условия для этого: передовое развёртывание, многонациональные учения, вспомогательные соглашения, экспедиционная ПРО. ПВО/ПРО Армии США принадлежит значительная роль в установке условий для данного региона и защиты от средств «потенциала перекрытия доступа» без обострения ситуации, особенно на ранних этапах конфликта [25, р. 95, 96].

Стратегия ПВО/ПРО сформирована несколькими факторами, среди которых вызовы в сфере ресурсов, распространение угроз и обстановка перманентного конфликта. Предполагаемые три императива стратегии ПВО/ПРО: защита США, защита войск и важнейших объектов, гарантирование доступа своих войск. Для осуществления этого есть четыре направления усилий: организация сетевого командования операций; возможность отражать весь спектр авиационных и ракетных угроз; построение партнёрства и поддержание передового военного присутствия; трансформация сил ПВО/ПРО. Авторы напоминали, что с растущим спросом и сокращающимися ресурсами Армии нужна ПВО/ПРО которая была бы интегрированной, объединённой и многоцелевой [25, р. 97].

Ещё одна статья в том же журнале была посвящена региональному планированию в командовании вооружённых сил США. Авторы офицеры рассуждали о необходимости согласования усилий по ПРО в АТР, и не только с союзниками, но и внутри зоны ответственности Тихоокеанского командования [5, р. 84]. Утверждалось, что Совет по объединённой ПВО/ПРО ТВД должен создать условия для обдуманного кризисного планирования в целях совершенствования стратегии ПРО во всех фазах конфликта [5, р. 87]. Данное предложение отражает наличие подготовки командования вооружённых сил США к возможным конфликтам низкой интенсивности на пространстве АТР.

Глава Космического и противоракетного командования Армии США и Объединённого командования ПРО генерал Д. Манн заявлял в марте 2015 г., что по мере того как США продвигаются от «армии в войне» к «армии для сдерживания», соединения ПВО/ПРО стали ключевым стратегическим средством, неотъемлемой центральной функцией Армии и существенным компонентом её задач по обеспечению безопасности в огромном регионе. Интегрированная ПВО/ПРО включает защиту от баллистических и крылатых ракет, самолётов, беспилотных летательных аппаратов, высокоточного оружия большой дальности, а также от артиллерийского и миномётного огня противника. При этом, утверждал Д. Манн, «интегрированная система боевого управления» обеспечит общую и гибкую сеть командования ПВО/ПРО, способную координировать воздушное наблюдение и корректировку огня между родами войск, партнёрами по коалиции [20, р. 15] и разными наземными системами ПРО ТВД (от *РАС-3* до *ТНААД*). *РАС-3* остаётся краеугольным камнем сил ПРО, развёрнутых в региональных командованиях (всего 15 батальонов *РАС-3*) [20, р. 16]. Комплексы ПРО *РАС-3*, предназначенные для защиты от ракет меньшей дальности, развёрнуты в Польше, Иордании, Японии, Израиле, Корее, Персидском заливе. 40% комплексов *РАС-3* развёрнуты за пределами США, и глобальный спрос на них продолжает повышаться [25, р. 97]. Комплексы *ТНААД*, предназначенные для решения задач перехвата ракет средней дальности, станут ключевым компонентом архитектуры ПРО ТВД (4-я по счёту батарея будет оперативно доступна в 2016 г.) [20, р. 17].

Роль морской составляющей ПРО была отражена в «Военно-морской стратегии-2015 г.». В частности, в ней утверждалось, что многоцелевые корабли с системами ПРО участвуют в сдерживании, а ПВО/ПРО – один из важнейших элементов в осуществлении контроля над морским пространством [2, р. 22].

Таким образом, речь идёт о повышении значения как сухопутных элементов региональной ПРО, так и морских элементов.

Некоторые гражданские специалисты также высказались на тему того, какую роль ПРО могла бы играть в сдерживании. По мнению специалиста из «Альянса в защиту ПРО» У. Рамбо, те, кто принимает решения в сфере оборонного планирования США, должны найти пути для противостояния угрозам Соединённым Штатам так, чтобы они защищали национальные интересы без необходимости постоянного присутствия значительного числа войск США. С точки зрения У. Рамбо, ПРО даёт оптимальное решение, позволяя США сохранять доступ к стратегическим торговым маршрутам и эффективно защищать союзников. Альтернатива всеобъемлющей ПРО – это борьба с растущими ракетными арсеналами через превентивные действия. Эти действия не только неприемлемы в плане той нагрузки, которой это обернётся для вооружённых сил США, но это также повлияет на международное восприятие действий США: «Использованием силы, которая часто рассматривается как чрезмерная, США подрывают свою легитимность в качестве лидера международной системы, что создаст возможности для тех, кто хочет бросить вызов (США) и найти в этом союзников» [19].

Мобильные ракетные системы наземного базирования угрожают региональной стабильности и создают возможность эскалации конфликта, который трудно удержать. В свою очередь, ПРО, по мысли У. Рамбо, позволяет США разрушить замыслы региональных игроков, давая политикам возможность избежать искушения нанести первый удар, зная, что их первый удар будет отражён ПРО США. Более того, эффективная ПРО увеличивает затраты противника на совершенствование ракетных технологий, и, если в сравнении с бюджетом США подобные затраты малы, то для противника это значительные цифры. У. Рамбо считает, что ПРО даёт США возможность придерживаться «стратегического терпения», провозглашённого в «Стратегии национальной безопасности - 2015» и необходимого для проведения эффективной внешней политики, используя свою позицию на вершине международной системы [19].

Региональные архитектуры ПРО США

С учётом того, какая роль возлагается на ПРО в военной стратегии США, обратим внимание на актуальные и планируемые возможности ПРО США в регионах мира.

В Европе в соответствии с ЕПАП администрация США развернула оперативный Центр ПРО НАТО на базе Рамштайн (Германия). Этот центр согласовывает работу следующих элементов ПРО: РЛС *AN/TPY-2* в Турции на базе Куречик, четыре эсминца с системой ПРО «Иджис» в Средиземном море, а также наземный вариант данной системы (*Aegis Ashore*) с 24-мя противоракетами *SM-3 IB* в Румынии на базе Девеселу. В 2018 г. планируется развернуть ещё один комплекс *Aegis Ashore* с 24-мя противоракетами *SM-3 IIA* в Польше на базе в Редзиково [27, р. 16-18].

Системы *Aegis* и перехватчики *SM-3* предназначены для защиты от ракет средней и меньшей дальности. Уже в 2012 г. была успешно продемонстрирована способность взаимодействия между системой командования и контроля АПРО и Активной эшелонированной ПРО ТВД (ALTBMD)[26, р. 15].

В 2015 г. в Средиземное море, по сообщению агентства Рейтер, был послан ещё один корабль ВМС США с системой ПРО взамен выведенных из Турции четырёх батарей *PAC-3* [28]. Кроме того, согласительная комиссия Конгресса США приняла решение по закону «Об оборонных расходах на 2016 фин. г.», в соответствии с которым предписывается развёртывание систем ПВО/ПРО для защиты объектов *Aegis Ashore* в Румынии и Польше от российских ВВС и КР [3], так как США утверждают, что РФ нарушает Договор о РСМД. Администрация так и не высказалась против данной инициативы Палаты представителей, поэтому нет серьёзных оснований считать, что эта мера не будет предпринята.

На Ближнем Востоке администрация США помимо взаимодействия с Израилем работает со странами, входящими в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Основной целью здесь провозглашено создание региональной архитектуры ПРО, где участники, насколько это практически возможно, создают взаимосвязанную эшелонированную оборону ключевых стратегических центров и усиливают сдерживание, повышают коллективную способность отражать ракетную атаку [21, р. 8].

Страны ССАГПЗ ведут закупки американских нестратегических мобильных систем ПРО наземного базирования для защиты от ракетной угрозы Ирана. ОАЭ закупает комплексы *THAAD* и РЛС к ним для защиты от ракет средней дальности. Саудовская Аравия закупает то же самое, уже имея комплексы *PAC-3* на вооружении. Последние предназначены только для перехвата ракет малой дальности и беспилотных летательных аппаратов. Кувейт и Катар лишь недавно начали закупать комплексы *PAC-3*. Кроме того, США планируют развернуть в Катаре РЛС *AN/TPY-2* X-диапазона, которая составит треугольник с такими же двумя РЛС в Израиле и Турции. Тем не менее, взаимное недоверие между арабскими странами Персидского залива остаётся, и это сильно тормозит процесс создания региональной ПРО [10]. К тому же в распоряжении главного стратегического партнёра США в регионе – Израиля – в начале 2016 г. появились системы «Железный купол» (для защиты от ракет меньшей дальности) и «Стрела-2» (для защиты от ракет средней дальности). В стадии доработки находятся системы «Праца Давида» и «Стрела-3» для защиты от ракет средней дальности, но конкретных планов по их развёртыванию не озвучено.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе американская ПРО ТВД представлена кораблями с системами *Aegis* и противоракетами *SM-3* *IA* (и *IB*). Всего у ВМС США имеются 33 таких судна [27, р. 4], чуть больше половины из них находятся на Тихом океане [9, р. 4]. С апреля 2013 г. на о. Гуам развёрнута батарея *THAAD* для защиты военных и гражданских объектов США на острове от северокорейских ракет средней дальности. В декабре 2014 г. в Японии размещена уже 2-я РЛС *AN/TPY-2*. Также у Японии есть системы *PAC-3* (16 батарей по пять комплексов) [14, р. 8]. Сообщалось, что Япония модернизирует два эсминец для ПРО и собирается закупать ещё, чтобы довести общее количество кораблей с системами ПРО до восьми [21, р. 7].

В Южной Корее планируется развернуть 1–2 батареи *THAAD* для защиты от северокорейских БР средней дальности. На полуострове уже есть комплексы ПРО (южнокорейские *PAC-2* и американские *PAC-3*), но они рассчитаны на ракеты меньшей дальности. Кроме того, у Южной Кореи имеются три крейсера с системами *Aegis* и перехватчиками *SM-2* IIIA/B. Сеул планирует довести количество крейсеров до девяти к 2019 г. и оснастить их более совершенными перехватчиками *SM-6* [13, р. 5]. Военное взаимодействие в АТР между США и их партнёрами (Японией и Южной Кореей) ведётся через серию двусторонних договорённостей. Недоверие и откровенная неприязнь между Сеулом и Токио сильно тормозят создание многосторонней региональной архитектуры ПРО, к которой стремятся США.

Все перечисленные по регионам мира элементы ПРО могут быть использованы США для целей регионального сдерживания, а значит и в условиях конфликта низкой интенсивности. Выше упоминалось, что под таковым можно понимать ситуацию, когда одна сторона использует свои вооружённые силы для запугивания и оказания давления, а другая сторона использует свои войска для снижения уверенности противника в успехе его атаки, в частности, ракетной атаки.

* * *

Таким образом, поскольку КНИ могут истолковываться не только как действия против повстанцев и террористов, но ещё и как действия по сдерживанию противника от нападения на союзников и на войска США, ПРО является центральным инструментом регионального сдерживания в рамках возможного такого конфликта. При президенте Дж. Буше-мл. ПРО мыслилась и развивалась, в первую очередь, в направлении защиты от стратегических угроз. Возможность применения ПРО в региональном конфликте с участием союзников и войск США тогда не исключалась, но и не акцентировалась. В период президентства Б. Обамы, как показывает анализ программных документов военно-политического руководства США, речь идёт о возможном применении ПРО в первую очередь в региональном контексте. Как следствие этого, происходит тесная интеграция региональной ПРО и ПВО. В начале XXI века в американской военной политике создание и развитие ПРО неразрывно увязывается, по сути, с возможным участием США в конфликте низкой интенсивности. И такой конфликт, по мысли военно-политического руководства, вероятен в том числе и потому, что некоторые страны могут попытаться повлиять на принятие решений Вашингтона, угрожая нанести ракетный удар по территории США, по развёрнутым в различных регионах мира американским войскам либо по их союзникам.

Список литературы

1. Батюк В.И. Война с негосударственными противниками в американской военной стратегии // Россия и Америка в XXI веке. 2014. № 2. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=407>, 30.12.2015 [Batjuk V.I. The War against Non-State Actors in the U.S. Military Strategy // Russia and America in the 21st century. 2014. No. 2] (accessed 30.12.2015).
2. A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower, March 2015. Available at: <http://www.navy.mil/local/maritime/150227-CS21R-Final.pdf> (accessed 18.03.2015).
3. A Side-by-Side Comparison of House, Senate and Conference Defense Authorization Bills, The Center for Arms Control & Non-Proliferation, 02.10.2015. Available at:

- <http://armscontrolcenter.org/a-side-by-side-comparison-of-house-senate-and-conference-defense-authorization-bills/> (accessed 26.10.2015).
4. Ballistic Missile Defense Review Report. DoD, February 2010. Available at: http://www.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%206JAN10%200630_for%20web.pdf (accessed 16.02.2012).
 5. *Boxx S., Schuyler J.* The Case for the Joint Theater Air and Missile Defense Board // Joint Forces Quarterly, No. 79, October 2015. P. 83-87. Available at: <http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/jfq/jfq-79/jfq-79.pdf> (accessed 28.11.2015).
 6. *Crouch II J.D.* United States Missile Defense Policy Before the Senate Armed Services Committee, 18.03.2003. Available at: <http://armed-services.senate.gov/statemnt/2003/March/Crouch.pdf> (accessed 13.08.2011).
 7. Department of Defense Strategy for Countering Weapons of Mass Destruction, Department of Defense, June 2014. Available at: <http://pircenter.org/media/content/files/12/14042024170.pdf> (accessed 25.10.2015).
 8. Excerpts of Classified Nuclear Posture Review Report submitted to Congress, 31.12.2001. Available at: <http://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/npr.htm> (accessed 06.02.2010).
 9. *Heinrichs R.* Staying Ahead of the Threat: Improvements Needed for U.S. Missile Defense, George C. Marshall Institute, 19.02.2015. Available at: <http://marshall.org/wp-content/uploads/2015/02/Staying-Ahead-of-the-Threat-Heinrichs-Final-Final-02192015.pdf> (accessed 22.02.2015).
 10. *Karako T.* Getting the GCC to Cooperate on Missile Defense, War on the Rocks, 13.05.2015. Available at: <http://warontherocks.com/2015/05/getting-the-gcc-to-cooperate-on-missile-defense/> (accessed 27.07.2016)
 11. *Lt Gen Patrick J. O'Reilly.* Director, Missile Defense Agency Before the House Armed Services Committee, Subcommittee on Strategic Forces, 21.05.2009. Available at: http://www.mda.mil/global/documents/pdf/ps_hasc052109.pdf (accessed 06.05.2013).
 12. *Martin E. Dempsey,* Joint Integrated Air and Missile Defense: Vision 2020, The Joint Staff, 2013. Available at: www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/JointIAMDVision2020.pdf (accessed 27.11.2013).
 13. *Montague K.* A Review of South Korean Missile Defense Programs, George C. Marshall Institute, March 2014. Available at: <http://marshall.org/wp-content/uploads/2014/03/South-Korean-BMD-Mar-14.pdf> (accessed 19.03.2015).
 14. *Montague K.* Japan's Ballistic Missile Defense Policies and Programs, George C. Marshall Institute, June 2014. Available at: <http://marshall.org/wp-content/uploads/2014/06/Japan-BMD-PO-June-14.pdf> (accessed 24.03.2015).
 15. Nuclear Posture Review Report. Department of Defense, April 2010. Available at: www.defense.gov/npr/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf (accessed 22.02.2012).
 16. *Perry W., Schlesinger J.* America's Strategic Posture. The Final Report of the Congressional Commission of the Strategic Posture of the United States. Washington: United States Institute of Peace Press, 2009.
 17. Preparing America to Win Low-Intensity Conflicts, The Heritage Foundation, 31.08.1990. Available at: <http://www.heritage.org/research/reports/1990/08/preparing-america-to-win-low-intensity-conflicts> (accessed 30.10.2015).
 18. Quadrennial Defense Review Report, Department of Defense, 2014. Available at: http://www.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (accessed 22.12.2014).
 19. *Rumbaugh W.* Supporting Strategic Patience // Missile Defense Review, 05.06.2015. Available at: <http://missiledefensereview.org/2015/06/05/supporting-strategic-patience/> (accessed 10.07.2015).
 20. Statement by Lt Gen *D. Mann*, Commanding General USASMD/ARSTRAT and JFCC IMD before the House Strategic Forces Subcommittee, 19.03.2015. Available at: <http://docs.house.gov/meetings/AS/AS29/20150319/103007/HHRG-114-AS29-Wstate-MannUSAD-20150319.pdf> (accessed 03.04.2015).
 21. Statement of M. Elaine Bunn, Deputy Assistant Secretary of Defense for Nuclear and Missile Defense Policy, before House Strategic Forces Subcommittee, 25.03.2014.

Available at: <http://docs.house.gov/meetings/AS/AS29/20140325/101945/HHRG-113-AS29-TTF-BunnM-20140325.pdf> (accessed 28.12.2014).

22. The National Military Strategy of the United States of America, Joint Chiefs of Staff, 2011. Available at: http://www.jcs.mil/content/files/2011-02/020811084800_2011_NMS_-_08_FEB_2011.pdf (accessed 01.07.2013).

23. The National Military Strategy of the United States of America, Joint Chiefs of Staff, June 2015. Available at: https://drive.google.com/viewerng/viewer?url=http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (accessed 10.07.2015).

24. The National Security Strategy of the United States, The White House, May 2010. Available at: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed 22.02.2012).

25. *Tucker M., Lyons R.* Silent Watch: The Role of Army Air and Missile Defense // Joint Forces Quarterly, No. 73, April 2014, P. 93-98. Available at: <http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/jfq/jfq-73/jfq-73.pdf> (accessed 30.12.2015).

26. Unclassified Statement of Vice Admiral James D. Syring, Director, Missile Defense Agency, Before the House Strategic Forces Subcommittee, 08.05.2013. Available at: http://www.mda.mil/global/documents/pdf/ps_syring_050813_HASC.pdf (accessed 18.08.2014).

27. Unclassified Statement of Vice Admiral James D. Syring, Director, Missile Defense Agency, Before the Senate Appropriations Committee, 18.03.2015. Available at: http://www.mda.mil/global/documents/pdf/ps_syring_031815_sacd.pdf (accessed 30.03.2015).

28. U.S. To Send One More Aegis-Equipped Ship To Mediterranean // Turkish American News, 19.08.2015.

Background Material

U.S. Missile Defense and Low-Intensity Conflicts

(USA ❖ Canada Journal, 2016, No. 10 p. 107-118)

Received 02.03.2016

KRIVOLAPOV Oleg Olegovich, Institut of U.S. and Canadian Studies (ISKRAN), 2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation (alturs9@rambler.ru).

The article is about of U.S. missile defense program adaptation to low-intensity conflicts. It examines a connection between the concept of low-intensity conflict and the concept of regional deterrence. The author studies the evolution of missile defense role in the U.S. military policy regarding regional deterrence at the beginning of 21st century. A review of current and perspective regional architectures of the US missile defenses is given.

Keywords: missile defense, low-intensity conflicts, regional deterrence.

About the author:

KRIVOLAPOV Oleg Olegovich, junior researcher.